

Андрей

Хрустальный плен и верное сердце

В день хрустальной свадьбы злой чародей уносит Анну в ледяной чертог, стремясь заковать её сердце в хрусталь. Вооружившись отцовским ларцом и верным топором, плотник Андрей и хитрая кошка Муся отправляются в опасный поход. Сможет ли живое тепло пятнадцати лет любви растопить вековые зеркальные оковы?

В день хрустальной свадьбы злой чародей уносит Анну в
ледяной чертог, стремясь заковать её сердце в
хрусталь. Вооружившись отцовским ларцом и верным
топором, плотник Андрей и хитрая кошка Муся
отправляются в опасный поход. Сможет ли живое
тепло пятнадцати лет любви растопить вековые
зеркальные оковы?

Андрей · Хрустальный плен и верное сердце

*Моей дорогой Анне —
к пятинадцатилетию нашей свадьбы.*

*Ради тебя я без раздумий
пройду любые тридевять земель.*

— Андрей

Содержание

I	Вихрь над яблонями.....	3
II	Стеклянные плёсы.....	13
III	Зов Кривотолка.....	21
IV	Крушение у подножия.....	30
V	Зеркальные соблазны	39
VI	Темнейшая полночь	47
VII	Прививка жизни.....	57
VIII	Весеннее тепло	66

ПЕСНЬ I

Вихрь над яблонями

Андрей

У нас в Заречье, знают люди,
Семьи согласней не сыскать!
Пятнадцать лет в одном сосуде
Им мед супружества черпать.
В тот полдень праздничный, беспечный,
Андрей возился на траве:
Дубовый стол, подарок вечный,
Готовил любушке-жене.
Он ножку гладил дуба плавно,
Снимая стружечный налет:
«Держись за комель! Выйдет славно,
Семь раз отмерь — и пир пойдет!»
А с кухни летней, прямо к солнцу,
Сквозь растворенное оконце,

Где пироги пылали в жар,
Несется песня, чистый дар.

А рядом Муся — наша пава,
Трехцветный шелковый комок,
Глядит степенно и лукаво
На завитки сухих досок.
Вздохнула царственно, лениво,
Что мастер спать ей не дает,
И на ларец его спесиво
Пушистым брюшком настаёт.
В ларце — крючки, речной садок,
Шиповник — память первых дней...
«Не мни заветный сундучок!» —
Андрей с улыбкой шепчет ей.
И снял царицу осторожно,
На теплый войлок опустил;
Она ж зевнула безнадежно,
Свернув остаток сонных сил.

Анна ✧

Скрипит крыльцо. В сиянье лета
Выходит Анна на порог.
В убранстве праздничного цвета
Несет румянейший пирог.
На ней лазурь и терракота,
Плывет антоновка в саду;
Забыта будняя забота
В шелку у всех на поводу.
Андрей навстречу! Гребень тайный
Достал он мастерской рукой:
Из спелой вишни, не случайный,
С резьбой сквозною и живой!
В косу каштановую ладно
Вплелся затейливый узор;

Андрей целует женку жадно,
Ловя ее лукавый взор.

Но что за жуть? Внезапно птицы
Прервали звонкий пересвист.
У самой берега границы
Застыл в паденье желтый лист.
Река, ленивая доселе,
Остекленела на лету!
В хрустальной ледяной купели
Сковали рыб и чистоту.
Ни всплеска волн, ни шевеленья —
Лежит безжизненная гладь;
Какое мертвое затмение
Пришло наш угол разорять?

И с запада, клубясь морозно,
Взвился слепящий вихрь огней;
Кружится искр поток тревожно
Средь тихих яблочных ветвей.
В сверканье граней, в круговерти,
Где гаснет солнечная нить,
Возник пришелец, чуждый смерти,
Привыкший вечность леденить.
В плаще из кварцевого звона,
Высок и бледен, как фарфор,

Стоит владыка без закона,
Вперив в людей зловещий взор.

Шагнул пришелец. Под пятой
Трава остекленело стонет;
В сверканье мантии литой
Он взор холодный не уронит.
«Всё должно быть застывшим в грани! —
Звонит надменный, тонкий шепот. —
Ни вздоха тлена, ни страданий,

Ни дней земных унылый ропот!
Твой голос, женщина, отныне
Мой сад хрустальный осенит:
Цветок бессмертия в твердыне
Вовек не вянет, не горит!»

Чародей Стеклояр 🏰

Но наша Анна не робеет!
Огонь в очах, ладонь крепка:
«Фальшивых роз земля не сеет,
И песня птицы высока!
Вот новости с посуды тонкой!» —
И блюдо медное с стола
Она с размаху силой звонкой
В лицо надменное врага
Метнула смело! Грянул щит!

Но чародей рукою взмыл —
Хрустальной розы бледный вид
К ее он поясу привил.
Сковала волю льдин отравя,
Померк огонь живых очей,
И смолкла русская забава
В плену сияющих лучей.

Андрей, увидя плен нежданный,
Схватил топор — привычный щит:
«Держись за комель, вор незванный!» —
И на врага стрелой спешит.
Рубил сплеча! Да вихрь встречный
Взметнул волну хрустальных жал:
Ударил град бесчеловечный,
И холод руки оковал.
В кусты отброшен мастер сильный,
О ствол ракиты он разбит;
В крови ладони, пот обильный,
И взор отчаяньем горит!

А Стеклояр взмывает к тучам,
Неся добычу в вихре льдин;
В проломе зеркала гремучем
Исчез надменный господин.
И с неба смех летит суровый,

Как звон бокалов на ветру:
«Смирись, дурак! Чертог мой новый
Ее укроет по утру!
Но помни срок: пятнадцать дней
Пройдут над грешною землей,
И с крайним лучом тех огней
Она навек застынет мглой!
Хрустальным станет сердце Анны,
Погаснет искра навсегда,
И не излечишь этой раны
Ты и в грядущие года!»

Муся ☺

Стих вихрь. В саду, бедой объятom,
Андрей поднялся от травы;
Не сломлен яростным закатом,
Не клонит буйной головы.

Затянут пояс туго, крепко,
Утерта кровь с горячих рук:
«Держись за комель! — молвил терпко. —
Еще попляшет белый сук!»
Сломив от яблони родимой
Живой зеленый черенок,
Он спрятал в ларчик свой хранимый
Родного берега росток.
А Муся, лапкой звякнув звонко,
В дорожный короб прянет вмиг:
Готова к подвигу бабенка,
Хоть путь и тяжек, и велик!
Вперед, Андрей! Не ведай страха:
Любовь сильнее льда и праха!

ПЕСНЬ II

Стеклянные плёсы

Второй рассвет над плёсом брезжит,
Клубится стылая река.
Андрей веслом упрямо режет
Холодный сумрак тростника.

Волна не плещет, не играет,
Под лодкой — морок ледяной:
Не облака в волне мелькают,
А тени бездны потайной.
Скользят чудовища кривые,
И скалит зуб глухая мгла...
Неужто силы вековые
Стекла отравы извела?

Скрипит уключина с натугой,
Но вдруг — удар! Ни взад, ни вбок:
Встает стеклянною кольчугой
Кувшинок мертвенный чертог.
Там стебли острые, как пики,
Сплелись в сверкающий забор;
Луча обманчивые блики
Пленяют и тревожат взор.
Весло со звоном соскользнуло
С цветка из твердого стекла —
Алмазным лезвием сверкнула
Его холодная игла!

Тут из овчинных теплых складок,
Где Муся грела царский бок
(Ей не по нраву беспорядок
И сырость утренних дорог!),

Явилась кошка величаво.
«Мрр-ф-ф!» — раздался громкий вздох,
И хвост колышется лукаво:
Мужик без барыни заглох!
Принюхалась к седому пару,
Зеленый прищурила глаз —
И лапой бьет, полна пожару,
По правому борту тотчас!

Ликуй, читатель: над рекой
Звенит ошейник Муси звонко!
Она прыжком, стрелой лихой,
Взлетела на носок челнёнка.
Удар кошачьего когтя —
И вдребезги мираж разбился!
Где плёс дремал, покой суля,
Водоворот свирепый вился!
«Держись за комель!» — руль крутой
Андрей рванул во тьму затона,
И вырвал челн струёй живой
Из пасти мертвого закона.

Но на исходе тех препон,
Где мчит струя в обход обмана,
Раздался скрежет, треск и стон:
Вонзился зубчик истукана!

Пробил кристалл сосновый борт,
Волна хлестнула под перила,
Залив припасов скромный сорт,
И лодку лихо накренила.
Вспорхнула Муся на ларец...
Но видит мастер сквозь туманы:
Челнок рыбацкий наконец
Стоит у илистой поляны!

Дед Тихон

На ил, на вязкую косу
Андрей ладью выводит дружно.
Камыш желтеет на весу,
Вокруг безветренно и душно.
А на отмелине сырой
Сидит дедок в соломе шляпы;
В сапожках с пряжкой круговой,
Забыв про вражеские лапы,
Серебряных язей старик
Таскает в ивовый тайник.

«Тут не карасиков таскать
Из теплой лужи под ракитой!
Клюнуло — секи! Что ждать опять?» —
Бурчит старик с душой сердитой.

«Эх, леска звенит — душа поет!» —
Вскричал, язя взметнув над плесом.
«Куда поперся в этот гнет
С разбитым дном и мокрым носом?»

Ворчит речник, но видит вдруг:
В ладье стоит ларец отцовский,
Где мастерски закручен сук
И виден почерк столяровский.
«Ба! Не Степана ли резьба?
Отцовский знаю рез приметный!
Держи бересту: раз судьба,
Дам вару на задел секретный!»

«Семь раз отмерь — один привяжи!
Уж это мигом мы приладим!» —
Андрей берется за ножи,
По дереву рубанком глядя.
Снялась янтарная стружкá,
Заплата села точно в пазы,
Смола укрыла бок челна —
И лодке не страшны проказы!
Глядит старик из-под панамки:
«Ай мастер! Всё готово к рамке!»

Повеселел речной мудрец,

Достал бечеву смоляную:
«Гляди, сынок! Свяжи конец
В петлю надежную, тугую!
Вот узел тайный. Перехват,
Затяжка в комель — держит крепко!
Не одолеет чертов брат,
Снасть не порвется за зацепку!
И слушай тайну: под скалой,
Где Пик Хрустальный льды возносит,
Студёный ключ под толщей злой
В опорах щель глухую косит!

Сквозь щель пройдёшь средь острых льдин
В чертог, где правит господин!
Но берегись! — добавил дед. —
Не лезь вперед без разumenья:
Там Ельник Кривотолка след
Замкнул в глухое помраченье.
Там эхо бродит день и ночь,
Крадет у путников сознание;
Топориком тут не помочь,
И силе чуждо сострадание!»
Сказал старик — и вдруг пропал,
Словно туман над тихим плесом.

Встает пред ним стеной шатра

Угрюмый Ельник Кривотолка;
Там дремлет морок до утра,
И бродит эхо злее волка.
И вдруг из чащи, сквозь туман,
Где кварц ветвями мертвый вьется,
О заколдованный капкан
Железо яростное бьется:
Звенит расколотый кристалл,
Как будто витязь в битву встал!

ПЕСНЬ III

Зов Кривотолка

Четвёртый вечер тень наводит,
Сгустился ельник, дик и глух.
Андрей едва тропу находит,
Где бродит Кривотолка дух.

Кривые ели сучья клонят,
В оврагах стелется туман;
Они вздыхают, глухо стонут,
Сплетая звуковой обман.

Шипит невидимая сила,
Слова Андрея искривив:
«Любовь твоя её стубила,
И смолкнет свадебный мотив!
Плохой хозяин, муж негодный,
Зачем поплёлся в дальний путь?
В тайге сгниёшь в тоске бесплодной,
Её вовеки не вернуть!
Ты бросил ладу на мученье,
Твоё напрасно попечение,
Она навек осуждена!»

Но Муся, чуя лиходейство
(Она в глуши не любит бед,
Храня домашнего семейства
Покой и правильный обед!),
Прижалась к шее господина,
Зеленым глазом повела
И, как спесивая княгиня,
Головкой пышной потрясла.
Ошейник дрогнул — бубенец

Звенит над шёрсткою искристой,
Рассеяв морок наконец
Своею нотой чистой-чистой.
Звучит весёлая струна —
И звуковая паутина,
В ветвях разорвана сполна,
Умчалась прочь, как злая тина!

Вздохнул Андрей, свободен снова,
Светлеет взор, рассеян звук;
«Держись за комель — всё готово!» —
Сказал он Мусе, верный друг.
Ступает мастер шагом твёрдым,
Топор сжимая на весу;
Не уступить наветам гордым,
Не сгинуть плотнику в лесу!

Но вдруг разинул бор утробу:
Грохочет треск, несётся брань!
Железо бьёт в слепую злобу,
Круша ветвей стеклянных тканьь.
«Чего мудрить, коль плечи шире
Любого дуба на холму?
Шарахнем разом в этом мире —
А там поглядим, что к чему!»
Раскатом громким, как грозою,

Ревёт воитель меж берёз,
Вступая в битву со слепую
Стеной колючих, звонких лоз!

Богатырь Добромysl
☞

Андрей сквозь заросли спешит
На звон железа и ударов —
И видит: брошен круглый щит,
И бор гудит, как от пожаров.
То Добромysl! Плечист, румян,
Двуручной палицей крушащий;
Но сплёл погибельный аркан
Хрустальный тёрн в еловой чаще!
Побеги хищные лозы
Спеленали могучий стан:

В сетях прозрачной бирюзы
Застыл, опутан, великан!

Ревёт боец, булавой машет,
Лицо багровое в поту;
Хрусталь в ответ визжит и пляшет,
Смыкая петли на лету.
Чем шире взмах, тем туже путы,
И вихрем злым из тёмных нор
Встают губительные смуты —

Хрустальных ос летит дозор!
Готовы осы из кварцита
Вонзиться жалом ледяным!
Но Муся прыгнула сердито
На ветку ели перед ним.

Качнула ветку Муся ловко —
И гусеница, чуть шурша
(Жирна, мохнатая плутовка!),
Свалилась с хвои, не спеша,
Прям на носок богатырю!
Застыл детина, обомлевший:
Боится щекотни силач,
И замер витязь оробевший,
Хоть плачь от страха, хоть не плачь!
Не шелохнётся, не дохнёт —
Лишь в ужасе раззявил рот!

«Держись за комель! Не брыкайся! —
Окликнул плотник молодца. —
Остынь, за силу не хватайся,
Не то не сладишь до конца!»
Достал Андрей сухие клинья,
Что с кедра звонкого тесал;
В них смоляное изобилье
Запас заботливый держал.

И в стыки веток кварцевидных
Обухом крепко их вогнал!

Напившись тёплой смолою,
Утихнул чародейский звон:
Ослаб терновник под рукою,
Теря бешеный разгон.
Лоза не гнётся, цепenea,
Становится хрупка, как лёд;
Но стоя ос, жужжа и рея,
На шею воина плывёт!

Андрей золотую вынул леску,
Накинул петлю на росток,
Что нёс хрустальную подвеску —
Капкана замковый исток!
Узлом таинственным, рыбачьим
Стянул бечеву на лету,
И верным навыком горячим
Рванул гранёную пятау!
Поддел топориком затвор —
И треснул узел кварцевидный:
Рассыпался стеклянный сор,
Исчезнул рой осады стыдной!
Звенит расколотый капкан,
Свободен русский великан!

Богатырь с грохотом валится
В зелёный бархат мягких мхов;
С лица исчезла гусеница —
И витязь к дружбе уж готов.
Утёр со лба ручей испарины,
Сконфужен, шумен и румян:
«Ну, мастер! Думал: плечи шире,
Шарахнем — сгинет басурман!
А вышло вон как... Сила бродит,
Да ум столяра — верный путь!
Твой взмах спасение находит,
Где кулаком не повернуть!
Клянусь: покуда бьётся сердце,
Твоим щитом я буду впредь!»
И руку плотника с усердьем
Пожал, готовый всё стерпеть.

Но вдруг над чёрной чащей бора,
Вспоров закатный синий свет,
Вспорхнул луч ледяного взора,
Неся предвестье новых бед.
Вдали, на Пике недоступном,
В короне мёртвого стекла,
В цветке холодном и преступном
Отрава дальше проросла:

Раскрылся розы лепесток —
Восьмой по счёту, белый, хладный...
И тает драгоценный срок,
И ждёт победы враг нещадный!

ПЕСНЬ IV

Крушение у подножия

Седьмой денёк над крутизною
Слепящим полднем запылал.
Меж ледяною белизною
В чертоге стынет мёрзлый зал.

Там Анна, смелая душою,
Не льёт горячих слёз тишком:
Идёт походкою лихою,
Стучит упрямо каблуком!
Скрипят сапожки расписные,
Шуршит узорный сарафан,
Сметая блёстки ледяные,
Как сор дорожный да бурьян.

А чародей стоит надменный,
В лазурный кутаясь покров;
Педант холодный и бессменный,
Не сносит шума и шагов.
В очах — белёсые узоры,
Лицо искривлено тоской:
«Молчи! К чему пустые споры?
Прими торжественный покой!
Знай: вечность боли не узнает,
Ни сора нет здесь, ни прорех!
Пусть голос яблони питает,
Чтоб лепесткам цвести вовек!
Спой песню им в морозном звоне!»
Но Анна молвит: «Не бывать!
Цветам в хрустальном сем полоне
Живого слова не узнать!

Цветы фальшивые не терпят
Живой струи и вешних гроз;
Они пустой отравой вертят,
Не зная солнца, трав и рос!»
«Вот новости ещё в посуде!» —
Добавила с усмешкой вслед:
«Не вам судить о русском чуде,
Где от тепла сияет свет!»

Она с ухмылкой упрямой
Пучок засушенных ветвей
Взмахнула дерзко перед рамой,
Где стыл гранитный соловей.
Смела алмазную порошу
Прям чародею на наряд:
«Прими, хозяин, эту ношу,
Коль чистоте своей не рад!»
Вспорхнула пыль сухим угаром,
Колдун качнулся, нем и дик,
Ожгло лицо зловещим жаром,
И исказился чистый лик!
А кубок пышный, ритуальный,
Что он в сухой руке держал,
Дал трещину! И звон хрустальный
Сквозь залу эхом пробежал.

И как затянет с переливом
Частушку бойкую под свод,
С плясовым присвистом игривым,
Каким деревня праздник ждёт!
От звонких нот, от свиста девы
Дрожит гранёный хладный свод;
Чуть слышны трещины-надпевы,
Пустили стрелы наперёд!
По хрусталям, дробясь на части,
Бегут следы тончайших ран,
И перед песней женской страсти
Бледнеет ледяной тиран!

Вскипел колдун! В безумной злобе
Простёр он хладную ладонь;
Как будто в ледяном сугробе,
Лиловой вспышкой взмыл огонь.
На сарафанах роза злая
Ожгла хозяйку до костей:
Три лепестка, мороз являя,
Застыли в венчике смертей!

Одиннадцать! К рукам, к запястьям
Подкрался цепенелый лёд;
Но вопреки слепым напастьям
Бунтарка глаз не отведёт.

С гранитных плит, где враг надменный
Обронил кварцевый резец,
Смела подарок драгоценный
Она за пазуху вконец.
Пусть руки стынут от мороза —
Ей не страшна колдунья-роза!

А меж крутых теснин туманных,
Где вечер седьмой день гасил,
Средь бурунов и струй багряных

Челнок летел изо всех сил!
Ущелье пастью ледяною
Смыкало мрачные бока;
Под неприступною стеною
Кипела дикая река.
Вверху, гранями небо мера,
Вставал хрустальный исполин —
Чертог безжалостного зверя,
Обитель мёртвых оледин.

Вдруг свист и гул над крутизною!
Раздался скрежет, страшный треск:
Обрушил враг своей рукою
Лавину глыб, слепящий блеск!
Летят стеклянные громады,
Дробясь о скальные зубцы;
От этой бешеной осады
Погибнуть могут храбрецы!
Обвал зеркал, хрустальной пыли
Грозит погресть людей живьём;
Речные струи в страхе взвыли,
Смыкая бездну под челном!

Но Добромysl, не зная страха,
Во весь гигантский встал размах!
«Чего мудрить? Не будет краха!

Гуляет силушка в костях!»
И поднял щит стальной над ними,
Друзей укрыв от острых жал;
Ударов искрами густыми
Обвал железо пробивал!
Вминают глыбы лист кованый,
Звенит расколотый гранит;
Трещат борта ладьи смолёной,
И в щепы борт её летит!

Удар! И лодка разлетелась
На сотни щепок средь пучин!
Стремнина жадно завертелась
В оскале пенистых вершин.
Но сквозь обломки и метанье
Их вынес яростный прибой
На узкий выступ испытанья —
Карниз над бездною глухой!
Внизу клокочет бурный омут,
Крутя обломки в дикой мгле,
Где вёсла сломанные тонут,
Оставив путников скале.

Умчало прочь котёл и снасти,
Оружье, стрелы и суму —
Всё скрылось в ненасытной пасти,
Ушло в ревущую тесьму!
Отрезан путь назад навеки,
Волна бушует под скалой,
Но плотник сквозь шальные реки
Сберёт ларец заветный свой!
Прижал к груди ларец спасённый,
Где спрятан в бархатном мошке
Побег от яблони зелёный —
Черенок жизни в узелке!
А Муся, с мокрою спиною,
К ларцу прижалась на весу,
Сердито дёргая щекою,
Забыв про сытость и красу!

Вверху, в чертоге помрачённом,

Стеклярь в ярости глухой
Погрузит в зале остеклённом
Весь мир в беззвучный вакуум злой:
Ни вздоха нет, ни искры звука,
Лишь мёртвый холод тишины!
А здесь, где смолкла вод докука
И клочотание волны,
У кряжа мрачного подножья,
Где скальный скалится зубец,
Андрей без робости и дрожи
Сжимает в кулаке ларец!

ПЕСНЬ V

Зеркальные соблазны

Сквозь ледяной подводный лаз,
Где мрак клубился над волнами,
Они пробились в грозный час,
Цепляясь голыми руками.

В пещерный свод шагнул столяр;
Вода течёт ручьём с одежды;
Не угасил студёный пар
Его негаснущей надежды.
Он бороду рукой отжал
И ларчик вынул торопливо:
Там яблоневый прут лежал,
Укутан мхом лесным на диво.

А Муся, сидя на плече,
Фырчит, обиды не скрывая;
Забыв о сладком калаче,
Глядит, как барыня лихая.
Тряхнула ухом раз и два,
С усов сронила капли стужи;
И хоть дрожит она едва,
Но взгляд её горит не хуже:
Сквозь полог мёртвой темноты,
В проход, где дремлет злой навет,
Зелёный, чистый, верный свет
Струит из чуткой высоты.

Идут вперёд. Подземный ход
Зовёт сквозь скальные изломы.
Но лишь ступили под пролёт,
Где свод темнеет незнакомый, —

Ожил безжалостный затвор,
В пазах зловеще загремело,
И зубьев гибельный забор
Со свистом ринулся на тело!

«Чего мудрить, коль плечи шире!» —
Вскричал воитель удалой,
Один такой в подлунном мире,
И заслонил друзей собой!
Он плечи мощные подвёл
Под острия тяжеловеса;
Удар по мышцам перешёл,
Дрожит хрустальная завеса!

На мощной шее жилы враз
Вздулись буграми от натуги;
Кольчуги треснул перевяз,
Запели кованые дуги!
Но держит витязь монолит
Своею силою безмерной;
Огонь в очах его горит,
И молвит он с улыбкой верной:

«Беги вперёд, Андрей, скорей!
Спасай жену, не оглядайся!
Во тьму распахнутых дверей

К своей голубке пробирайся!
До вздоха крайнего сдержу
Стеклянных челюстей громаду;
Я вражьей силе докажу,
Что не сломить мою преграду!»
Сжал плотник руку силачу,
Ларец прижал к груди теплее,
И, вверив путь его плечу,
Ушёл во тьму, душой смелея.

Пятнадцатый рассвет встаёт
Над шпилем ледяного града;
Вступил Андрей на гладкий лёд
Зеркальной галереи ада.
Там под ногами — гладь стекла,
В стенах — бесчисленные грани;
Вокруг обманчиво текла
Река несбыточных мечтаний:
Везде — покой, бессмертный сад,
Где нет болезней и старенья,
И терема златые спят
В лучах блаженного забвенья.

И видит он: в одном окне
Стоит красавица младая;
Как будто в сладком тихом сне,
Его зовёт жена родная!
Но как светла, как хороша!
В шелках лазоревого цвета,
Ступает плавно, не спеша,
Не зная бури и запрета.
К нему протягивает длань —
Бела, нежна, без всякой раны,
Где от мозолей стёрта дань,
Где пальцы гладки, без изъяна.

«Останься здесь! — звенит хрусталь, —
Забудь топор, труды и муку!
Оставь дорожную печаль,
Вложи в покой навеки руку!»

Застыл Андрей. Сковал дурман
Его натруженную душу;
Сквозь этот ласковый обман
Так сладко голос женский слушать!
Зачем пилить, строгать, ковать,
Трудиться в поте день за днём,
Коль можно вечно почивать
В хрустальном тереме вдвоём?
Ослабли пальцы; ценный груз
Готов упасть на плиты пола;
Распался верности союз
От сладкозвучного укола...
Ларец заветный опустил
Столяр, не чувствуя разлуки;
И взор туманился без сил,
И опускались долу руки.

Но кошка Муся не спала:
Она обман раскрыла сходу!
С плеча метнулась, как стрела,
Спасать хозяйскую породу:

В сукно штанов, в коленный сгиб
Вонзила когти Муся крепко!
И сладкий морок вмиг погиб,
Сорвавшись с мысли, словно щепка!

Принюхался столяр: мороз
Несёт сухой озон и льдины.
Где ж аромат родных берёз
И запах яблочной мякины?
Где тёплый дух сухих стропил,
Смолистых досок, жарких печек?
Не гладкий призрак он любил,
Не ложь фарфоровых овечек!
Вспомянул мастер смех живой,
Морщинки милые у взгляда,
И первый их пирог с золой,
Сгоревший в печке до распада!
Тот пригоревший дух ранета,
Пятнадцать лет трудов и бед —
Вот истина земного света,
А не стеклянный пустоцвет!

«Изыди, ложь!» — воскликнул он
И молоток взметнул с размаха;
В центральный глянец, сквозь заслон,
Ударил, не ведая страха!

Удар! И брызнуло стекло,
Распалась ледяная рама,
И наважденье утекло
В обломки гибельного хлама!

Разбит обман. Вперёд идёт
Андрей, сжимая верный молот.
Вдруг распахнулся тронный свод,
Откуда дышит смертный холод!
Врата раскрылись настежь там,
В чертог безжалостной угрозы,
И донеслось к его стопам
Стеклянное стенанье розы:
Замогильный тонкий перезвон
Цветка, раскрывшегося в стуже,
Звенит на весь гранитный трон,
Смыкая смерть вокруг всё туже!

ПЕСНЬ VI

Темнейшая полночь

Ах, кабы ведал наш столяр,
Какой готовится удар!
Ворвался он в чертог хрустальный,
Где гаснет полдня луч прощальный.

Там тишина, как в глуби вод,
Смыкает ледяной оплот;
Стволы прозрачные ветвятся,
И тени синие ложатся.
Не шелестит листва дубрав
Среди безжалостных оправ.
А Муся, шерсть взъерошив вдруг,
Глядит на мёртвый этот круг:
Четвероногая княжна
Узрела: сила здесь страшна!

И видит мастер: на помосте,
Куда вовек не званы гости,
Сидит голубушка его —
Не замечая ничего!
Одежды праздничный наряд
Овеял инеем обряд.
Фарфором белым кожа льнёт,
Уста сковал бессмертный лёд,
А руки милые, послушны,
На платье сложены бездушно.
Где гордый взор? Где звон речей?
Лишь хлад опущенных очей!

Стремглав к помосту он спешит,
В груди отчаянье дрожит,

Забыта боль, забыта стужа:
«Анюта! Погляди на мужа!
Я здесь, с тобой! Проснись, жена,
Стряхни оковы полусна!
Пойдём скорей к родной избушке,
Где дремлют сосны на опушке!»
Но очи Анны — мёртвый след:
В них замер серый, мутный свет.
Они темны, как лёд озёрный,
Где дремлет омут беспризорный;
Глядит сквозь мужа в пустоту,
Забыв земную теплоту,
Забыв свой сад, краюху хлеба
И ласточек под синью неба.
Морок забвенья стёр следы
Былой отрады и беды.

Из тени звончатой колонны,
Где стынут грани заострённы,
Ступил надменный чародей,
Суровый враг живых людей.
На бледном лице — хлад презренья,
В очах — насмешка без сомненья.
«Безумный смертный! Червь убогий!
Зачем топтал мои пороги?

Что стоит прах твоих страстей,
Любовь пустая у людей,
Против хрустального покоя?
Она чиста! Ни вздоха зноя,
Ни капли тлена нет на ней:
Она уснёт средь сих камней!»

Вскипела кровь! Андрей упрям;
Не верит он сухим речам!
Бывало, мастер спозаранку
В избушке ладил всяку планку,
И здесь, перед лицом беды,
Спасёт любимые следы!
«Врёшь, леденюк! Живого мая
Не сменит пустота слепая!»
И выхватил столяр в тоске
Стальное долото в руке —
То, чем тесал отец упорно
Венцы дубовые проворно.
Упал на плиты перед ней,
Где путы, словно мёртвый змей,
Овили намертво, без дрожи,
Сапожки из зелёной кожи.
Размах — и со всего плеча
Ударил мастер сгоряча:

Пусть разлетится этот камень,
Когда в груди пылает пламень!

Удар! Но камень вековой
Ответил силой роковой:
Волна невидимого гула
Под сводом дико полыхнула!
Раздался визг, зловещий гром —
И сталь распалась серебром!
На сотни спиц, на рой иголок
Взорвался долота осколок;
Вонзились искры в лоб и щёки,
Оставив алые потёки.
Рассекло пальцы; кровь течёт,
А на помосте крепок лёд:
На путях нет следа раскола,
Лишь роза стынет у подола!

Взметнул колдун гранёный посох —
И в верхних ледяных откосах
Раздался треск, зловеший гул:
Чертог гранёный потонул
В волнах губительного звона.
С зубцов высокого заслона,
Подобно гибельным копьям,
Обрушил град по головам!
Сосулек шпили вековые,
Как стрелы стужи роковые,
Летят со свистом в смертный пляс,

Грозьа рассечь помост в сей час!

Куда бежать? Вокруг угроза!

Но крепче лютого мороза

Душа у мастера была:

Забыв про раны от стекла,

Упал столяр на край престола,

Чтоб защитить жену от скола!

Широкой спинушкой своею,

Могучей, верной мужней шеей

Затмил он Анну от стрелы,

От острой падавшей скалы.

Грохочут глыбы по суставам,

Секут плечо ударом правым,

Скользят по рёбрам на излом —

Но мастер держится щитом!

Терпя жестокие ушибы,

Встречает падавшие глыбы,

А Муся, вжавшись под полый,

Дрожит за пазухой сухой.

Вдруг страшный треск под небесами!

Огромный монолит с зубцами,

Державший купола гранит,

Над головами вниз летит!

Удар чудовищного веса!

Смела хрустальная завеса
Андрея долу, сбила с ног;
Упал без памяти дружок.
Обвалом тяжких, острых плит
Герой завален и укрыт;
Под толщей мёртвого стекла
Глухая полночь налегла,
И тишина легла могилой
Над угасающею силой.

А верный ларчик рыболова,
Хранитель замысла живого,
Отброшен в угол ледяной
Слепою силой штормовой!
Удар — и крышка отлетела,
Рассыпав снасти без предела:
Шнуры, грузила и крючки,
И лески тонкие мотки,
Бутон шиповника забытый,
С весенней юности укрытый,
И старый мох, и сам росток —
Всё раскатилось на мосток,
Лежит по плитам без призора
Под хладной тенью приговора!

Воздел колдун ликуя руки,

Презрев земные слёзы, муки:
На розе злой, в огне зари,
Один остался... посмотри!
Четырнадцать остыли строем
Над неподвижным тем покоем,
Один лишь тонкий лепесток
Хранит ещё пунцовый сок.
Но тает он в лучах багряных,
Как капля в заводях туманных;
Ещё мгновенье — и навек
Застынет в камне человек!

Взглянул властитель на завалы,
Где спят разбитые кристаллы,
Где под обломками стекла
Погибель мастера нашла.
И отвернулся к окнам сада,
Где гаснет алая громада,
Где стынет сумрачный закат.
Колдун торжественен и рад:
Уверен он, что смертный мёртв,
Что пыл безумный с глади стёрт,
И искры нет в чертоге злом,
И вечность властвует кругом.

ПЕСНЬ VII

Прививка жизни

Под толщей колотых камней,
Где тьма глухая грудь сжимает,
Лежит без памяти Андрей;
Колдун победу предвкушает.

Но кто средь хаоса ползёт,
Презрев завалы и осколки?
То Муся! Хвост трубой несёт,
Забыв пустые кривотолки!
Спесивой барыни покой
Сменился яростной сноровкой:
Она сквозь щебень ледяной
Прокралась гибкою плутовкой.
И прямо в ухо — динь-динь-дон! —
Звенит бубенец голосисто,
Сгоняя тяжкий, мутный сон
Своею песней медно-чистой.
Андрей очнулся в темноте,
А кошка лапкою мохнатой
Толкает к пальцам в тесноте
Холщовый свёрточек помятый.
Там — яблони живой росток,
Хранимый влажно от мороза,
А с ним — засушенный цветок:
Любви заветнейшая роза!

В суставах боль, в дыханье жар,
Но дух столярный не согнулся:
Не зря терпел судьбы удар,
Коль разум вовремя очнулся!

Плечом могучим, без речей,
Развёл Андрей обломков гору;
В чертоге сумрачных лучей
Злодей не внемлет приговору:
Без шума плотник встал, живой,
За спину бледного тирана;
Узрел он правду пред собой
Без наважденья и обмана:
Стекло нельзя рубить сплеча,
Не одолеть булатной сталью;
Бессилен грозный взмах меча
Перед хрустальной эмалью!
Где гибнет мощь железных пут,
Нужна смекалка садовода:
Спасёт любовь, терпенье, труд
И возрождённая природа!

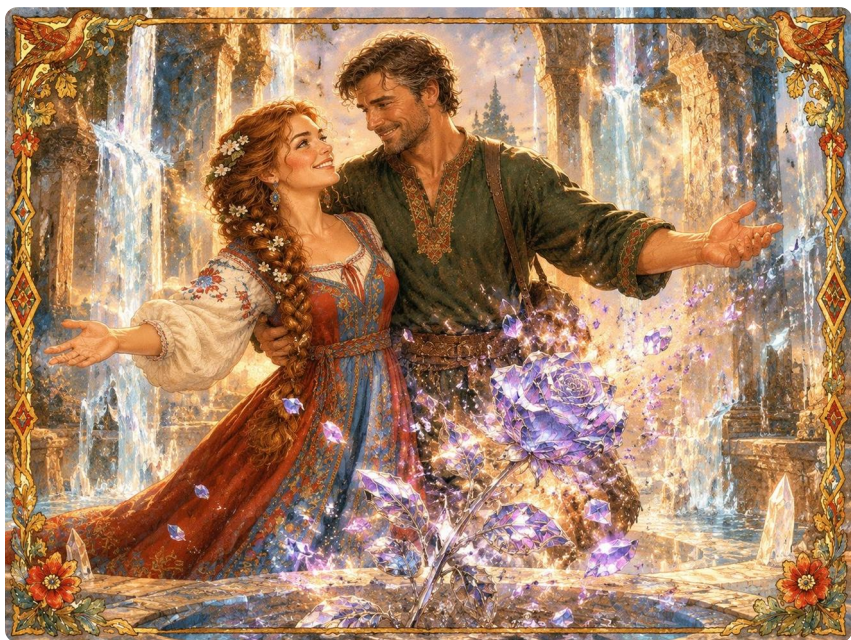
Колдун не видит: гордый тать
Уж руку к розе простирает,
Готовясь вечность заковать,
Пока закатный луч сгорает.
Но мастер вынул из чехла
Свой инструмент резьбы узорной,
И в толщу гладкого стекла,
Где стынет трон в гордыне горной,

Вонзил клинок: упрямый рез
Рассёк кристаллы в основание,
И обнажил глубинный срез —
Дворца немое трепетанье!
Там жила тайная текла,
Пульсируя студёным соком;
В расщеп недвижимого стекла
Приладил мастер верным оком
Живой ранетовый росток,
А с ним — заветный, сокровенный,
Сухой шиповника цветок,
Свиданья первенец нетленный!
Шнуром гранёным, бечевой,
Крепя комель в тугие кольца,
Связал он узел вековой —
Урок заречного умельца!

И ожил камень! Грянул гром,
Хрусталь запел на низкой ноте;
Зелёным, яростным огнём
Взыграли соки на излёте!
Сквозь минеральную броню,
Питаясь силою кристалла,
Навстречу гаснущему дню
Лоза живая побежала!

По ножкам трона, по резьбе
Взметнулись гибкие побеги,
Неся конец слепой судьбе
И вековой зимней неге.
Они в стремительный полёт
Пустились, кольцами взлетая,
И растопили мёртвый лёд,
Ладони Анны оплетая!

Дыхнул медвяный аромат

Цветов ранета белоснежных,
Рассеяв сумрачный закат
И хлад оков глухих, безбрежных.
С ресниц осыпалась слюда,
С очей скатилась корка льдины,
И в сердце хлынула вода,
Ломая мёртвые плотины!
Глядит Анюта: пред собой
Она увидела Андрея!
Он встал, израненный, живой,
Дыханьем душу ей согрел.
В ладонях, сбитых до костей,
Осталась нежность вековая,
И в блеске трепетных лучей
Очнулась пленница молодая!

Метнулся в бешенстве колдун:
«Назад, презренная порода!»
Но среди хрустальных мёртвых струн
Уж ожила сама природа:
Андрей заречную запел —
Мотив, знакомый до пылинки;
Хоть голос дрогнул и осел,
Но растопил на сердце льдинки!
О тихой речке, об избе,

О спелых яблоках в садочке,
О плотниковой городьбе,
О вешнем ласковом цветочке.

И Анна песню подхватив,
Взметнула голос чистый, смелый;
Живой, пленительный мотив
Вспорол чертог оледенелый!
С престола гордо поднялась
Хозяйка яблочного сада —
И песня звонко полилась,
Не зная страха и преграды!
В лицо опешившему татю
Она смеётся от души,
Наперекор всему заклатью
В глухой поверженной тиши!
И муж захохотал в ответ —
И этот смех, живой и звонкий,
Пролил в чертог весенний свет,
Ломая мёртвые заслонки!
От смеха двух влюблённых душ
Хрусталь исходит чистой влагой:
Растаяла немая глушь
Перед супружеской отвагой!

Вдруг — вспыхнул ледяной бутон!

Та роза искрами взыграла,
И рухнул гибельный закон,
Лишившись мёртвого запала:
Она рассыпалась в пыльцу,
В крупички сахара сухого,
Скользя по бледному лицу
Без зла и шелеста лихого!
И следом — потолок потёк,
Стена поплыла водяная:
Сквозь каждый каменный лоток
Несётся влага ключевая!
Журчат хрустальные ручьи,
Смывая ледяную небыль,
И в светлых каплях, посмотри,
Сквозит оттаявшее небо!

Колдун упал на плиты ниц
Перед цветущею ветвицей;
Сбегают с бледных вдаль ресниц
Живые слёзы вереницей.
В немом восторге чародей
Коснулся лепестков ранета,
Вспомняв сад минувших дней
И прелесть солнечного лета.
Забыта ледяная спесь,

Растаяло сухое горе...
А посреди капли здесь,
Где льды текут в речное море,
Обнял столяр жену свою,
Она к груди его прижалась;
В преображённом сем краю
Лишь нега чистая осталась!

Дворца растаял хладный свод
Живой весеннею капелью,
И звонкий гомон вешних вод
Несётся к долу под свирелью.
А над оттаявшим холмом,
Встречая утро золотое,
Встаёт светило новым днём —
Живое, тёплое, родное!

ПЕСНЬ VIII

Весеннее тепло

Сквозь звон капли, сквозь туман,
Где спал чертог хрустальной стужи,
Покинув ледяной капкан,
Сошли герои к вешней луже.

Река, очнувшись ото сна,
Шумит, бурлит, быстра, прозрачна!
Взыграла вольная волна,
Размыв бывшее горе мрачно;
Смывает мутный, серый лёд,
Крутя гранёные осколки,
И птичий хор в лазурь несёт
Свои свирели без умолки.

Глядят — из каменных ворот,
Где рухнул свод стеклянной пасти,
Шагает витязь без забот,
Преодолев мороз напасти.
Бока помяты, щит избит,
В улыбке ясной нет обмана,
Окрест могучий смех гремит,
Сгоняя мороки тумана!
А на шеломе золотом
Воссела Муся величаво,
И шевелит густым хвостом,
Глядя налево и направо.
Прищурен глаз, надменен лик,
И, шествуя на ратной меди,
Она мурлычет: «Я на миг
Прощу неловкости медведю!

Но дайте окуня скорей,
Да пожирнее, без изъяна!»
Звенит бубенец средь ветвей,
Будя речные караваны.

«Эх, силушка по жилам бьёт, —
Вскричал силач, тряхнув щитом, —
Да палица о крепкий лёд
Звенела глупым батогом!
Я напролом рубить привык,
Не ведая преград и правил,
А твой резец за малый миг
Всё на свои места расставил!
Твой верный нож да мудрый глаз
Прочней меча в железной длани;
Спасенье мастер нам припас
Без богатырской звонкой брани!»

А Анна мужа к быстрине
Ведёт с заботою пугливой;
Вода кружится в глубине
Струёй студёной и игривой.
Омоет ссадины на лбу,
Сотрёт с ладоней след стеклянный,
Браня безумную судьбу
И этот жребий окаянный:

«Ох, сорвиголова! Опять
Полез под рушащие плиты!
Цветы не смеют фальшью лгать,
А ты — туда ж, в огонь сердитый!
Зачем собой закрыл меня?
Смотри — живого места нету!»
Но жмёт ладонь, тепло храня,
И шепчет ласково к рассвету;
Целует пальцы, лоб и грудь,
Слезу стирая торопливо,
И молвит: «Кончен тяжкий путь,
Моё зареченское диво!»

Андрей смеётся: «Не тужи!
Семь раз отмерь — один привяжем!»
Срубил стволы он у межи,
Связал колоду с прочным кряжем.
Из брёвен, смытых вешним днём,
Сплотил на диво плот широкий;
Уключины скрепил ремнём,
Приладил вёсла без мороки.
Взошли — и лёгкая вода
Плот подхватила, словно птицу;
Исчезла без следа беда,
Покинув хладную темницу.

Летит просмоленный оплот
Вниз по волнам к родному краю;
Река свободная поёт,
Живые травы омывая.
Бегут лесистые берега,
Цветёт черёмуха густая,
И тают сизые снега,
В ручьях весенних исчеза.

И вот в излучине крутой,
Где ива дремлет над затоном,
Открылся берег дорогой
С весёлым яблоневым звоном!
Глядят — знакомый, милый дом,
Резные ставни, птицы в кронах,
И над тесовым козырьком
Сквозят наличники в бутонах.
А над трубою в небеса
Дымок струится бирюзовый:
То дед Тихон уж полчаса
Печь растопил для жизни новой!
Он хлопотал, старик седой,
У самовара спозаранку,
Чтоб встретить путников с водой,
Стелить на стол им скатерть-бранку!

Закат разлился над рекой
Медово-розовым пожаром.
В саду повеяло весной
И яблоневым сладким паром.
Стол дубовый, что спас Андрей,
Стоит под ветками ранета;
Там полон ковш для всех гостей,
Там чаши праздничного лета!
Дымится свежий, пышный круг —

Пирог с корицей и плодами,
И аромат разлит вокруг
Над самоварными дымами.
Дед Тихон щурит добрый глаз,
Настойку в чарки наливая,
И льётся ягодный припас,
Сердца весельем согревая.
А рядом витязь Добромысл
Глядит с тревогой на сосуд:
В ручищах чарочки завис
Весь богатырский тяжкий труд!
Боится сжать её детина,
Чтоб не рассыпалась в куски
От пальцев пудовых та глина,
Как ледяные островки!

Шумит застолье! Спор горит
О славных подвигах в походе:
«Эх, кабы не железный щит! —
Басит силач при всём народе, —
Засыпал бы хрустальный свод
Андрея с кошкою в подвале!»
«Постой! — старик смеясь ведёт, —
А тайный ход в озёрном вале?
А ключ студёный подо льдом?

Без рыбьей снасти и сноровки
Не отыскали б этот дом,
Блуждая в топях без концовки!»
Но тут раздался звонкий крик:
На мягком кресле, как царица,
Явила Муся гордый лик,
И всем пришлось уgomониться!
Бубенец звякнул золотой,
Хвостом взмахнула величаво:
«Полно хвалиться суетой!
Чья в этой битве первой слава?
Подать судак!» И в тот же миг
Ей рыбу жирную подносят;
Она явила кроткий лик —
Иного кошка и не просит!
Она вкушает свой улов,
Мурлыча сладко на подушке;
Ей песнь звучит без лишних слов,
Звenea бубенчиком на ушке.

Умолкли споры. Встал Андрей,
Держа берестяную чашу,
В кругу проверенных друзей
Обняв жену — голубку нашу.
«Друзья! Мы бились не за кладь,

Не ради злата, серебра;
Превыше призрачной награды —
Тепло семейного добра!
Я видел хладные чертоги,
Где блещет мёртвая краса,
Но там безжизненны, убоги
И свод, и залы, и леса.
Ни хрусталя слепящий свет,
Ни пышность гордого убора
Не стоят нежности примет
И ласки девичьего взора!
Они не стоят смеха той,
С кем мы пятнадцать лет в согласье;
За Анну! За союз святой,
За наше истинное счастье!»

С румянцем ясным на щеках
Жена навстречу поднималась,
Любовь в распахнутых очах
Живым сиянием плескалась.
Вплетает в русый завиток
Ему ранетовую ветку,
Целует жарко уголок
Любимых губ — любви отметку.
И песню звонкую ведёт

О тихой речке, о Заречье;
Её мотив в саду плывёт,
Смывая тень былых увечий.
И дед Тихон, и богатырь
Запели дружно, в лад и чисто;
Вздыхает бархатная ширь,
Звенит бубенец голосисто!

Сказитель тут кувшин берёт,
Усы огладив с тихим смехом,
В кружало пенный квас нальёт,
Любуясь добрым тем успехом.
Он подмигнёт: «Вот вам урок:
Кто верен сердцем и любимой,
Тот одолеет хладный рок
Своею силою незримой!

Любовь, надежда да топор
Сломают ледяные горы...»
Смолкает сказочный узор,
Затихли праздничные споры;
А над Заречьем до утра
Сады цветут в объятьях мая,
И длится светлая пора
Земной весны, конца не зная!

Благодарности

Эта сказка никогда бы не ожила без тех, кто день за днем наполняет теплом мой собственный дом. Спасибо моей любимой жене Анне: за то, что подарила книжной героине свой звонкий смех, неукротимый нрав и ту самую верность, перед которой бессильны любые чары. Спасибо нашей кошке

Мусе — за ее царственное разрешение одолжить ее пушистый образ, повадки великой воительницы и тот самый звонкий бубенец, который не раз спасал положение на этих страницах. Ну и спасибо мне самому, Андрею: за то, что нашел в себе смелость плотника переложить нашу общую любовь на бумагу и снова доказать, что простое живое тепло всегда побеждает мерзлый лед.

Андрей

Хрустальный плен и верное сердце

Автор: **Андрей**

Написано специально для Анны к пятинадцатилетию
нашей свадьбы

Октябрь 2026

